

Драка на похоронах

*"Только три вещи должны заботить верного слугу.
Это воля Господина, его собственная жизненная
сила и обстоятельства его смерти."*

Хагакурэ

Я прошел мимо фонаря Канчо по пути на станцию. Возможно, с годами здесь должна быть прикреплена табличка во славу жизни великого мастера боевых искусств. Хотя и много путешествовал за свою жизнь, он родился в 1916 году именно в том же районе, где и умер через семьдесят девять лет. Его отец был состоятельным доктором и в собственном доме построил додзё, чтобы местные люди могли там заниматься дзюдо. Доджо называли Ёшинкан, что означало "место культивации духа".

Канчо ценил семейный подход, поэтому, когда он основал собственное додзё и начал обучать полицейских и мирных граждан смертоносному искусству, которое он знал, он продолжил использовать название Ёшинкан. В течение почти четырех десятилетий он продолжал учить, и теперь, когда он умер, никто достаточно не представлял, кто получит мантию мастера. Канчо не оставил никаких конкретных распоряжений, так что выстраивалась борьба за власть, в основном между Чидасенсей и сыном Канчо, Шиодой-младшим. Я знал, что на похоронах ведущие учителя предстанут перед миром единым фронтом, но уже после в додзё пошли слухи о возможном расколе на две фракции.

Стоял жаркий день для похорон: "34 градуса по Цельсию" неоновым возвещал цифровой термометр на возвышающемся здании около станции, а все еще было 9 утра. Мой костюм должным образом был черным и шерстяным, и уже насквозь пропитался потом в подмышках. Я потел так сильно, что не было смысла снимать пиджак и обнародовать мое неудобство.

От станции до похоронного храма мальчишки-школьники в традиционных черных пальто с прусскими воротниками и нарукавными повязками стояли через каждые несколько ярдов, чтобы направлять постоянный поток скорбящих. Иностранные сенсусей в ожидании инструкций сбились в тесную группу перед синтоистским храмом. Храм представлял собой большую, усыпанную гравием территорию, заполненную пагодоподобными постройками с одним большим нарядным деревянным строением, где воздавались последние почести. В том числе и денежные, на сенсусей была рассчитана сумма в размере двух тысяч йен с человека, от более обеспеченных ожидалась большая сумма. Крошечный ученик, Фуджитоми, утонувший в огромном черном костюме, направил нас к скоплению белых навесов, где проходил сбор денег. Полицейские были призваны в качестве похоронных церемониймейстеров. Они пришли в своей униформе и находились в распоряжении Оямады. Иностранные сенсусей не имели обязанностей, в ответственный момент, никто не хотел, чтобы сборище гайдзин испортило все дело. В Японии недопонимания боятся больше всего; исключение иностранцев происходит не от неприязни, а из патологического страха возможного недопонимания и чрезмерного воображения о последствиях такого недопонимания.

По моим подсчетам похороны были по крайней мере дешевле свадьбы. Гость на японской свадьбе мог распрощаться с пятью тысячами йен минимум, а если он претендовал на звание близкого друга, то сумма уже приближалась к двадцати или тридцати тысячам, то есть двум или трем сотням долларов. Приглашение на свадьбу в Японии, как и где-либо еще, очевидная радость, прячущая опасное жало в своем хвосте. В японском языке есть слово, которое используется для всех подобных щекотливых общественных обязанностей, особенно тех, которые задуманы как удовольствие, но заканчиваются весьма болезненно, как выпивание с начальником после работы и вынужденная покупка шоколада для коллег на день Св. Валентина. Это слово – мендокусай, наиболее полезное слово в изучении страны, ведь оно воплощает всю культурную концепцию Японии.

Полу было поручено организовать иностранных сенсусей. Он, как я заметил, был в потрепанном коричневом костюме и с подбитым глазом. Фингал заметили все, но никто не мог добиться от него больше чем "упал с велосипеда" – Пол был

слишком шустрым, чтобы это было похоже на правду. Объявились и остальные иностранные инструкторы. Все были одеты в никуда не годные, плохо сидящие костюмы. Что же тут происходит? Японцы, все до одного, были облачены в безупречное похоронно-черное. Иностранные сенсусеи тоже были опрятно одеты. Рэм был снова в моем темно синем костюме. У Адама не было пиджака, но ему удалось занять его на время, когда мы проходили по одному мимо гроба, как это бывает, когда прощаются с мировыми вождями и тиранами.

Мы были созваны Толстяком Стумпелом для обращения Пола.

"У нас небольшая проблема, - сказал Пол. - Она." Он кивнул в сторону Долорес, которая стояла возле входа в храм.

Долорес, как выяснилось, была сильно увлечена Доном Фернандо, ведущим испанским сенсеем. Она стала просто одержима им и приезд в Японию был небольшой передышкой в ее самоотверженном решении всегда оставаться рядом. Теперь он приехал в Японию на похороны и она могла возобновить свой штурм, только с этим словом отождествлялось ее поведение. Когда Дон Фернандо прибыл в додзё два дня назад, она просочилась через толпу и отказалась отойти от него даже на шаг, в том числе, когда он отправился на встречу с японскими учителями. Это было очень некорректно по японским стандартам, которым следовали даже иностранцы, ведущие дела с додзё Ёшинкан. На следующий день, на частных похоронах, о которых она каким-то образом пронюхала, она вломилась через живую изгородь, чтобы похитить ничего не подозревающего Фернандо. Пол применил на ней сан-каджо (стандартный полицейский болевой прием при аресте) и увел ее. В процессе его рассказа у меня создалось впечатление, что ему это доставило реальное удовольствие, что было странным, так как вся ситуация казалась немного печальной.

"На случай, если она попытается что-нибудь выкинуть" нас детально проинструктировали об охране Фернандо с аккуратной бородкой. Пол показал полный полицейский профессионализм. Нас разбили на пары, которым выделили двадцатиминутные интервалы; каждый человек из пары занимал место на углу основания треугольника, позади которого находился Фернандо и перед которым была Долорес, которая в идеале должна была постоянно идентифицироваться как условная вершина треугольника. Десять громил в черных костюмах защищали одного из лучших бойцов от девяностофунтовой (сорокакิโลграммовой) девицы в любовном бреду.

- А оно того стоит? - спросил Адам.

- Хорошая тренировка, - ответил Пол. - Действительно хорошая.

Жара уже достигла 36 градусов в тени, за исключением того, что тени в принципе не было, поэтому мы стояли, изнемогая от зноя под ярким солнцем в ожидании нашей очереди "дежурства по охране Фернандо". Очередь из более тысячи скорбящих растянулась в пять рядов вокруг территории храма. На похоронах Тессю присутствовало более пяти тысяч, но похороны Канчо определенно не страдали от недостатка посетителей. Прошло два часа прежде чем вся очередь прошла через здание храма, где каждый хлопал в ладони перед гробом и возлагал веточку сасаки на алтарь. Происходящее в храме заканчивалось очень быстро. Это напоминало двухчасовую очередь, чтобы прокатиться сорок секунд на поезде-призраке. В этом отражались все признаки японской социальной жизни - пытки замаскированные под празднования, огромное ожидание, увеселение абсолютно несоразмерное времени ожидания, и перенесенные неудобства. Все официальные мероприятия в Японии следуют этому распорядку. Если этого не произойдет, то люди начнут подозревать, что возможно мероприятия вовсе не было.

Тот факт, что кого-то надо охранять казался непонятным образом уместным. На похоронах Тессю одного из его наиболее верных учеников пришлось взять под охрану. Последователи Тессю боялись, что он может совершить сепuku из уважения к почившему учителю. Стал бы кто-то вспарывать себе живот коротким мечом в честь Канчо? Возможно раньше, до войны, но не теперь. Единственной ныне почетной формой самоубийства в Японии было кароши, смерть от переработки - часто достаточно уместный рак желудка. В кароши, а не харакири теперь измерялась преданность.

Наконец, мы увидели, как японские учителя пронесли гроб Канчо и водрузили его на катафалк. Японские катафалки - лучшие из когда-либо виденных мной. Мне они так понравились, что я захотел купить один подержанный и отвезти его в Англию в качестве примера восточной роскоши и неумеренности. Современные японские катафалки - это чудовищные медные пагоды на колесах, черный

грузопассажирский автомобиль, у которого на месте кузова-универсала расположен сильно разукрашенный вариант храма с высокой крышей. Похоже на нечто из Безумных Гонимых. Мой последний беглый взгляд на Канчо был брошен, когда гроб был передан на руках в подобный катафалк, перед тем как его увезли в крематорий. Почти все японцы кремируются, поскольку уже не осталось достаточного количества земли для захоронений, как было в прошлом.

Внезапно возникло какое-то волнение – Толстяк Стумпель двинулся как телохранитель, чтобы заблокировать проворную Долорес в тот момент, когда она сделала прорыв в сторону черного микроавтобуса скорбящих. Дон Фернандо заходил в него вместе с другими ведущими учителями для заключительной процессии в крематорий. Он отвернулся, устыдившись происходящего, когда Стумпель конвоировал Долорес сквозь напирющую толпу.

История с лицом Пола постепенно выходила наружу. Стефан разболтал большую часть истории Вэну, а Даррен обеспечил остальную часть. И затем все услышанное было логически связано с состоянием одежды учителей.

На маленькой буддистской церемонии за день до похорон присутствовали только члены семьи и преподаватели айкидо.

После церемонии иностранные учителя пошли выпить в Раппонджи. Некоторые из них тренировались вместе в Японии много лет назад и прилетели специально: Пайет, Дэвид Рубенс из Англии, Дон Фернандо и другие. Роберт Мастард и Фернандо благоразумно отправились домой рано, когда Роланд Терминатор выступил против бармена в клубе в Раппонджи. Замахиваясь для удара, бармен упал, но прежде он успел вызвать главного вышибалу. Бывший член Французского Иностранного Легиона, главный вышибала затем сделал большую ошибку: он положил руку на чье-то плечо – чье, никто точно не мог сказать, но без сомнения это была серьезная ошибка. Ни один из иностранных учителей не был черным поясом ниже третьего дана. Они все были в высшей степени крепкими, агрессивными и пьяными. Должно быть это было первой неприятностью, с которой экс-легионер был вынужден разбираться – он относительно недавно поступил на эту работу. Его неправильная оценка ситуации привела к увольнению, но до того его вырубил Роланд. Даррен добил его удушающим приемом и затем наступил ему на шею, пьяно покачивая пальцем: "Ну, дернись хотя бы на дюйм." Потом весь ад вырвался наружу и иностранцы раздали еще несколько выволочек, прежде чем спуститься вниз и устроить другую драку там. "А там было айкидо?" – спросил Вэн. "Я не видел, – сказал Отто, медленно имитируя сильный удар новичка, – Это была просто драка." Даррен был несогласен: "Тренировки айкидо пригодились, когда я провел на нем удушающий. Мне удалось расслабиться и направить весь свой вес на его шею." Пайет, встреча с которым в подобной ситуации считалась летальной, был задвинут Стефаном в угол на основании уважения к его высокому уровню. На самом же деле Отто заметил, как Пайет глазами асасина выискивал возможность подвергнуть проверке свое смертоносное искусство.

Они перешли в другой бар, но слухи уже расползлись по округе. "О, нет, – швейцар упрямился, – только не банда черных галстуков!" Все еще одетые, как подобает на похоронах, в черных костюмах и черных галстуках, неуправляемая банда начала новую драку, когда приехала полиция.

Полиция в Раппонджи давно привыкла к сумасшедшим иностранцам – пьяным морякам торговых и военных судов, в поисках приятного времяпровождения – и потому набрасываются с дубинками при малейшем знаке сопротивления.

Рубенс принял на себя ответственность за ситуацию, которая казалось весьма серьезной – преступное причинение ущерба, опасные телесные повреждения, фактические телесные повреждения, возможно даже наказание в виде краткого лишения свободы. Рубенс владел очень хорошим японским и он начал перечислять имена всех японских полицейских, которые он мог припомнить – ему требовалось найти ключик к офицерам с беспощадными выражениями лиц, готовых упрятать их за решетку. Люди, с которыми Рубенс тренировался в далеком 1986-ом к этому моменту должны были продвинуться вверх по служебной лестнице от уличных полицейских; люди, которых он знал должны были быть дома в четыре утра в эту липкую летнюю ночь. В конце концов, он убедил полицию, хотя учителям пришлось щедро рассыпать в извинениях перед полицейскими с суровыми лицами. В Японии, все, кто имеет черный пояс выше третьего уровня, обязаны регистрировать свои руки в полиции. Никто из этих парней не был зарегистрирован, и если они были учителями, как утверждали, то они подавали плохой пример, разве нет? Пристыженные старшие чины айкидо в унисон кивали, склоняя свои

головы и молились, чтобы их отпустили. Газеты бы с удовольствием напечатали историю: иностранные мастера айкидо отметили похороны основателя ночной потасовкой. С другой стороны, японская пресса настолько повязана интересами менеджмента и владельцев, дружки Канчо по военному времени в издательском бизнесе могли легко подавить дурную огласку.

Их костюмы были изорванные и грязные, дебоширившие учителя легко выделялись по одежде, которую надели на вторую похоронную церемонию. Без исключения они выглядели потрепанной компанией, шурящейся на ярком солнечном свете, некоторые с порезами от бритвы и синяками. Не удивительно, что Пол так стремился отвести интерес от ночного происшествия.

Я набрался смелости поговорить с Жаком Пайетом, "ассасином", используя в качестве повода для начала разговора мое короткое владение одним из его доги. Невысокий и жилистый, Пайет выделялся даже среди японских учителей. Он провел десять лет в Японии, последние пять в качестве близкого друга Канчо. Из-за жесткой иерархичности было невозможным для японца младше Канчо общаться с ним на равных. Пайету это удалось потому, что он был иностранцем. Это вызвало негодование в рядах японцев, но Канчо все устраивало, а потому Пайет на это не обращал внимания.

- Пять лет я пытался быть японцем, а затем поехал обратно во Францию. Я немного преподавал, пока не понял, что учу только тому, чему меня учили. Я давал те советы и учил тем уловкам, которым научили меня, и постепенно у меня стали заканчиваться слова. Я понял, что не знаю айкидо. Так что я вернулся обратно в Японию, и в этот раз я уже признал, что я - не японец, а иностранец. Хорошо, а в чем же преимущество быть иностранцем? Я могу игнорировать японские правила и пойти прямо к Канчо, именно это я и сделал.

- Я посмотрел на Канчо и сказал себе: Как этот ничтожно маленький человечек, который наверняка с каждым годом становится физически слабее, который только пьет чай и смотрит телевизор в своем офисе, а еще читает газеты и курит, как может он становиться сильнее в айкидо с каждым годом? Как это возможно? Потому что, я уверяю тебя, это действительно так - он был сильнее в свои семьдесят три, чем в семьдесят, и это продолжалось до тех пор пока он не заболел раком. Однажды я увидел как перегородка шоджи упала на Канчо и он упал. Он не устоял против веса бумажной перегородки, и я понял, что у него есть какой-то секрет, который сильно отличается от обычного понимания физической силы. А потому я попытался добраться до этого секрета.

- И в чем секрет? - спросил я.

- Есть три вещи, которые связаны друг с другом и усиливают друг друга. Как слова они ничего не значат, но если ты сможешь понять их, то сможешь заниматься айкидо. И для этого не потребуется всей жизни. Уесиба учился всего несколько лет; Канчо возможно пять с перерывами. То, что они поняли - это равновесие, центр и уверенность. Когда ты знаешь, где твой центр, тогда у тебя есть равновесие. После этого ты находишь в себе уверенность, которая в свою очередь помогает равновесию. Техники в айкидо необходимы только для того, чтобы развить эти вещи. Я дрался с мастерами карате. Я не мог применить шихонаге или котэгаэши - поэтому мне приходилось импровизировать, но я добился успеха потому, что использовал равновесие, центр и уверенность.

Пайет скромно улыбнулся. Я обратил внимание на огромные предплечья, несоответствующим его телосложению. По его словам все было очень просто.

- Во-первых, продолжай настраивать свой центр, двигай его назад и вперед, пока не обнаружишь его. Учитель традиционных японских танцев посмотрел мою видеозапись и сказал мне, что я сдвигаю свою центр тяжести слишком далеко назад. Мне это очень помогло.

- А каким был Канчо? - спросил я.

- Вообще, он был очень простым человеком, с простыми вкусами. Его не волновало иностранец ты или японец. Иногда я думаю, он ненавидел свою зависимость от организации, которую он создал. Ему были нужны ученики, но он также презирал раболепие среди учеников; но это японский подход. Он был в душе бунтарем. Он очень любил пиво. Иногда он вызывал меня посреди тренировки и говорил: "Давай, Жак, выпьем пива у меня в офисе. Говоришь, у тебя не выходит тай но хенко? Так и у меня тай но хенко не выходит тоже, а ведь я изобрел его!" Когда он заболел, я почувствовал к нему жалость. Он стал похож на одинокого старика, который создал что-то, что вышло из под его контроля.

Именно поэтому я уехал из Японии и вернулся во Францию. Я научился всему, чему он должен был меня обучить".

Пайет вместо обычного японского поклона встряхнул мою руку. "Запомни, - сказал он, - мы - не японцы."

Шведская девушка Пола, Ева, успокаивала Долорес после ее неудавшегося прорыва в микроавтобус скорбящих. Это была последняя капля для Долорес, которая, не выдержав, разрыдалась. Из ее коверканного английского я пришел к выводу, что все было не так просто - по ее словам, у нее с Доном Фернандо все же была связь. Он хотел покончить с этим, в то время как Долорес считала иначе. "Мужчины, - отгрызнулась Ева, - все вы трусы, разве нет?"

Вернувшись в Фуджи Хайтс, я не получил от Сары никаких вестей. Я отправился в супермаркет, где она работала, и выстоял очередь к кассе с пакетом ненужных апельсинов. Увидев меня она улыбнулась. "Что ты хочешь?" спросила она. "Тебя," ответил я. Она согласилась встретиться со мной несколько дней спустя после работы, но лишь на несколько часов. Как она сказала, ее отец был очень строг. Это не казалось многообещающим.

Недельная передышка сработала на пользу моим коленям. Сочащиеся раны сменились розовой кожей. Впервые, когда я входил в додзё в приподнятом настроении, без необходимости настраивать себя на серьезный лад.

В нашем полку, ответственных за душевую, прибыло - Крэйг наконец-то получил визу по направлению культуры и вернулся из Австралии. Он был толстым, дряблым и отстающим от всех на три месяца, но он вернулся. Он не сказал ни слова по поводу своего разоренного шкафчика в раздевалке. Во время занятий севанин отводил его в сторону, где избивал, гонял, оскорблял его, чтобы поскорее подтянуть до нашего уровня. Его основной проблемой была неспособность безошибочно выполнить элементарные движения. Мы же упражнялись в них каждый день в течение месяцев. Он чистосердечно признался, что в Австралии проводил свое время в играх в футбол и поглощении пива. Судя по его пузу, пиву он уделял больше внимания.

Крэйг оттирал плесневелые душевые с особым рвением, давая нам с Адамом приятную возможность отдохнуть. Он был забитым и услужливым и горячо желал быть принятым в коллектив.

Спина Крэйга вскоре превратилась в массу желтовато-фиолетовых синяков, поскольку Даррен заставлял его делать неисчислимое количество страховочных падений. Страдальческие стоны Крэйга пронизывали влажную тишину наших летних тренировок. Мы уже давно для себя усвоили, что крики ведут лишь к растрате энергии в независимости от силы боли. Крэйг все же не был убежден и ревел как зверь, попавший в стальной капкан. Его колени, тоже, вскоре превратились в красное месиво, не хуже чем мои, возможно чуть получше, но не выглядели здоровыми это точно.

После одной особенно тяжелой тренировки с Дарреном, где на каждую страховку Крэйга приходилось два его вопля (один для самоободрения и другой от боли после падения), Крэйг сидел в раздевалке в очень угрюмой позе, готовый признать поражение. Я старался убедить его взглянуть на обратную сторону его мучений - это скоро пройдет, курс закончится и чтобы он обратил внимание на скорость его улучшения; обычная каша из полуправды, что мы подбираем для обыденного ободрения. Напомнив слова Дэнни после несчастного случая с его пальцем, Крэйг печально сказал: "Не удивляйся, ребята, если вы завтра меня не увидите".

Неужели они его сломали? Если бы он ушел, уникальный рекорд - первый курс без сдающихся - оказался бы для нас недостижим. Но где-то в душе проявилось и злорадство - тот несомненный прилив энергии, что случается, когда ты оставляешь позади тех, кто не дотянул до конца.

Моей собственной новой неприятностью было возвращение в пару к Маленькому Нику, горячему армянскому парню. Он становился все более заносчивым, капризным и просто неприемлемым в совместном деле. Ему не нравилось находиться в Японии и не нравилось тренироваться со мной. И он поклонялся Мастарду. И, конечно же, он был зеницей ока для Мастарда. Да, это было действительно время испытаний.

"Ты - мужчина, а он - мальчик, - говорил Уилл с Дикого Запада. - Ты должен показать ему, кто здесь главный."

Крис относился к ситуации с большим скептицизмом. "Единственный способ иметь дело с Маленьким Ником – это выдерживать дистанцию. Но ты – его партнер и никакой дистанции нет, так что ты ничего не можешь поделать."

Недостатками Маленького Ника были всего лишь недостатками девятнадцатилетнего правонарушителя, богатого сыночка, возбужденного словно ребенок, сидящий на риталине (американском наркотики, предписанном гиперактивным детям) и еще невероятно избалованного – мать специально по его требованию ездила в Голливуд для покупок предметов последней моды.

Бэн, который был того же возраста, что и Маленький Ник, жаловался:

– Когда мне было четырнадцать, у меня был подержанная форма для дзюдо, которая мне была мала. Когда ему было четырнадцать, его родители оплатили ему годовые курсы чечетки.

– А кто платил за твои занятия дзюдо?

– Они были бесплатными. Никто не платит за дзюдо в Австралии. Но чечетка очень дорогая.

Я не имел ничего против танцевальных способностей Маленького Ника; действительно, казалось, что он их применяет должным образом на практике в кафе "Бейсбол" в токийском куполе, где он работал танцором.

– Что ты танцуешь? – спросил я в один из редких моментов нашего общения.

– Ну, Village People, "YMCA", типа того.

– "Village People!", – я с трудом мог удержать свое ликование, – Когда ты в следующий раз выступаешь? Я должен это увидеть!

Но армянин скромно умолчал точное время своего выхода на сцену для танцевальных телодвижений и прежде чем у нас возникла возможность добраться туда, чтобы взглянуть на него, он сломал руку одному из официантов и был уволен.

– Вообще-то я сам ушел, – сказал он скромно, – После того как я сделал того парням я понял, что они наверняка не захотят, чтобы я оставался работать. И кроме того они все там козлы.

Он показал мне как он избил коллегу с помощью определенной последовательности движений в комбинации с никкё и хиджишимэ, чтобы уложить его.

– Я услышал треск его руки, так что думаю, я сломал ее, – сказал он, – Его лицо тоже сильно повредилось, после того как я в него двинул коленом несколько раз."

– По крайней мере ты применил айкидо, – сказал я, запинаясь.

– Да, – сказал он, – Кроме колена, это было не айкидо, это было мое.

В чайной комнате Маленький Ник и Роберт Мастард, "Я кое-что сделал, о чем не знаю стоит ли говорить Вам..."

Мастард не оторвался от газеты, которую читал:

– Значит, ты влез в драку, да?

– А как Вы узнали?

Мастард пожал плечами. А потом сказал:

– Ты победил?

– Да.

– Ну, тогда все в порядке.

Но однажды Ник зашел слишком далеко. Мы делали технику, которая требовала удара в живот, который блокировался. Повторяя снова и снова, люди стали относиться к блокам менее внимательно. Использовать это невнимание приемлемо для учителя, и даже для такого же ученика, но не в так, чтобы это привело к травме – так считал я, в любом случае.

Маленький Ник обошел мой блок с определенным намерением и направил сильный удар в ребро, что было неожиданно болезненно. Я был так раздосадован, что в ответ ударил его в почку и сказал ему отвалить. В неожиданном раскаянии он предложил руку, чтобы помириться и забыть о недоразумении. Я неохотно пожал его руку. Но не забыл. Я не бог. Это маленькое ничтожество своим целенаправленным ударом доставило мне изрядную боль. Сломано ли ребро?

Конечно, нет, и стыдно признаться, потому что, рассуждая технически, я должен был заблокировать удар.

Я описал симптомы Даррену.

"Мне кажется, у тебя сердечный приступ", – сказал он.

Сато, лысый массажист, пришел по просьбе Мастарда. Сато проверил меня полностью и покачал головой. "Может ребро сломано", – сказал он. Но он был тверд в своем мнении, что я должен провериться у доктора. Мастард отнесся к этому настолько серьезно, что я почувствовал вину, что преувеличил боль. Затем я поправил себя: мне плохо и действительно больно. Но где-то в подсознании, я думал "Эта травма не хуже армянина Ника. Когда уходит он, исчезает и она; в этом я могу быть уверен." Мастард в шутку стукнул меня в живот. Он указал на нескольких университетских студентов.

– Хочешь тренироваться с девочками?

– Нет, – сказал я с чувством.

– Ёш! – он стукнул меня снова. Вот и умница, как бы говорил он. Из него получился бы отличный отец.

Немного позже мы снова разговаривали. Он сказал: "Иногда я чищу утром зубы и чувствую в груди какую-то жуткую боль и я думаю, наверное у меня удар, но потом я думаю – это невозможно, ведь я все еще чищу зубы." Возможно он интуитивно заметил во мне ипохондрию. Мастард весь в этом – сочетание того, что кажется полной тупостью с невероятной интуицией.

Ему нечего было скрывать и он даже не собирался скрываться.

Чтобы растянуть разъяснение обстоятельств я должен был посетить больницу и получить медицинское подтверждение моей травмы: рентгеновский снимок, чтобы похвастать перед недоверчивыми глазами сенсей или справку, подписанную костоправом. Проблема заключалась в том, что у меня не было медицинской страховки из-за моего полулегального статуса проживания в Японии. У Бэна же страховая карточка имелась и он мне ее одолжил. Только когда я вошел в католическую больницу в Оchiaи, заполненную приятными японскими монашками, я понял, что должен пройти за девятнадцатилетнего. Мне было тридцать. На моей бритой голове проглядывала седина. Я заполнил регистрационную форму, ловко копируя дату рождения Бэна, которую я не знал – еще одна брешь в плане. Монашка с испугом взглянула на мою карточку и снова посмотрела на меня. "Вам девятнадцать?" – спросила она. "Да" – с легкостью ответил я. Она приняла мою ложь, выражая сомнение только еще одним взглядом в медицинскую карту в поисках опечатки. У меня уже было готово шустрое объяснение, что я происхожу из семьи с историей жуткой болезни, из-за которой стареют раньше времени; она была лишь недавно открыта и диагностирована. Монашка меня просто пропустила. В Японии откровенная ложь редко подвергается сомнению – это было бы слишком враждебно, но люди могут выражать иное мнение за спиной. На поверхности они притворятся, что согласны. Кроме того я был иностранцем, что считалось низшей формой человека большинством японцев. Если я выглядел немного странно, то это было лишь составной частью необъяснимой странности гайдзин.

Но я сидел в ожидании на виду у медсестры за приемным столом, я пытался вести себя так, как на моей памяти вел себя Бэн. Он обычно неожиданно засыпал. Но в моем случае это бы лишь прибавило несколько лет, а не уменьшило мой возраст. Благодаря моим сидящим волосам меня уже однажды со спины приняли за сорокасемилетнего японского сенсей – меня на улице окликнул студент и почувствовал себя весьма неловко, когда я обернулся. Нет, заснуть было неверной стратегией. Вместо этого я стал раскачивать головой вперед-назад, изображая вертлявого пацана, слушающего рэп на плеере. Я также все время касался своих волос – так, я заметил, вели себя многие подростки, возможно и я тоже, когда был в соответствующем возрасте.

Доктор согласился принять меня. Я очень надеялся, что он будет говорить только по-японски. Тогда я смог бы ограничить наше общение, сообщив минимум о своем возрасте.

Все было хорошо. Он обратился ко мне на японском. Я, спотыкаясь, дал нужный ответ. Он отправил меня на рентген после беглого осмотра.

В коридоре рентгеновского отделения смешливый японец затушил сигарету и сделал мне знак в сторону аппарата. Он совершенно небрежно прикрыл мое тело свинцовыми щитками. Тогда я решил, что стану импотентом уже в девятнадцать лет, как раз на пике своей сексуальной активности.

Доктор позвал меня для обсуждения снимка. Легкие выглядели абсолютно черными. "Не волнуйтесь, – сказал он, – ничего страшного."

Ребро не было сломано, это был ушиб. Доктор посоветовал отдохнуть месяц. Месяц! Мне повезет, если мне дадут три дня за эту царапину, может неделю, если я смогу описать травму впечатляющим образом. Именно тогда я изобрел

термины "реберное смещение" и "отслоение межреберных мышц". У людей бывают плечевые смещения, так почему же не быть реберных? Звучало это жутко – ребра, разведенные в стороны в мучительной... ну, короче, агонии.

Доктор выдал мне эффективный эластичный корсет, для ношения на груди – отлично, теперь у меня было наглядное доказательство моего ранения. Я с энтузиазмом оплатил пятидесятидолларовый счет.

Затем доктор снял свои полукруглые очки и начал говорить на почти забытом, но великолепном английском. Страх захлестнул мое тело – для практики некогда выученного в колледже английского языка, он решил поступиться правилами социального поведения.

– Откуда? – спросил он.

– Австралия, Мельбурн.

Он просиял:

– Я ездил в Мельбурн в прошлом году, на отдых!

– Наверное было хорошо, – я старался хорошо передать отсутствие интереса своим очень неубедительным австралийским акцентом, гнусавым выговором Крокодила Дэнди, который в любой момент мог трансформироваться в пакистанский.

– Мне Австралия очень понравилась, и Мельбурн тоже.

– А Вы сходили в музей Неда Келли? – это было единственным, что я знал про Мельбурн.

– Нет, он был закрыт, – ответил доктор.

– Правда? – сказал я, – Ну я здесь был несколько лет и совсем оторвался от жизни. Вернее, не годы, а месяцы – иногда просто, кажется, словно прошли годы. – Боже, я сам рыл себе могилу. – А Вы были в Оперном Театре?

Он выглядел озадаченным:

– В Сиднее?

– Нет, в Мельбурне. Мельбурнский Оперный Театр. Он очень старый и большой. Гораздо интереснее чем... сиднейский. Вам обязательно надо его посетить в следующий раз.

– Обязательно, – сказал он, бросая взгляд на мои бумаги.

Мне надо было отвлечь его:

– А много австралийцев к Вам приходит?

– Нет, не много, – сказал он, – Вы первый, кого я лечу.

– Как интересно, – сказал я. Затем я решил взглянуть на часы. Будучи японцем, он должен был понять этот намек.

– Мне нужно идти, – сказал я и направился к двери.

– И еще одно, – сказал он.

Ну все, решил я.

– Не забудьте вот это, – он передал мне преступную медицинскую карту, – Это очень важно, – сказал он с насмешливым упреком.

Я рванул из больницы бегом, как девятнадцатилетний хулиган. Мне было гораздо лучше, с корсетом или без.

Бэн, как я начал понимать, был одним из естественных раздражителей, как те мотыльки, что имитируют птиц, или насекомые, которые похожи на палочки, или мухи, что прикидываются осами. Я был травмирован и соответственно, по велению божьему, он был тоже. Не то, чтобы это прошло через его сознание логическим путем, но все сработало именно так, как только его подсознание подключилось к делу.

На следующий день, во время моего третьего занятия по сейдза, во время броска Бэн неудачно приземлился на свою шею. Занятие вел Шиода-младший, который не проявил особого интереса к происшествию. Бэн со знакомыми слезами, льющимися по лицу раздражителя, присоединился ко мне на скамейке наблюдателей. Для Шиоды это было неприятно, и он направил Уилла, который был партнером Бэна, отвезти его в больницу. Я наблюдал за этим в немой агонии. За разговор я бы получил выговор. Резкий комментарий со стороны Толстяка Стумпеля возможно, ничего особенно плохого. А была ли в этом необходимость, следовало ли мне предупредить Бэна, чтобы он пошел в другую больницу? Нет, конечно же он не настолько глуп.

И все же он был.

Позже, в тот же день, когда я вернулся в Фуджи Хайтс и задрал ноги повыше, просматривая газету в поисках интересного фильма, мне позвонили из больницы.

Будучи подозрительным по натуре, я прикинулся, что меня нет дома и попросил оставить сообщение. Бэн не только рассекретил меня, но еще и был достаточно глуп, чтобы дать монашкам мой телефон. Я побагровел.

Позже позвонил Уилл, Он посоветовал мне связаться с больницей. Именно он посоветовал Бэну дать мое имя и номер больнице. Какие законопослушные кретины.

- Неужели Бэн действительно решил, что они забыли единственного преждевременно-старееющего австралийца за все время посетившего их больницу, через двадцать четыре часа после того, как это случилось?
- Он почему-то решил, что все пройдет гладко, - сказал Уилл.
- Замечательно. Просто потрясающе. Ну, как хотите, а я звонить в больницу не буду.
- Все должно быть в порядке. Мы объяснили, что это просто недоразумение.
- Просто недоразумение! Это же очевидное мошенничество! Я говорил с австралийским акцентом. Я назвал его дату рождения. Я отвечал на дурацкие вопросы про Мельбурн! Это не просто недоразумение.
- Я считаю, что признание вины обычно лучший выход из положения.
- Неужели, ты действительно так считаешь? Может тебе ограничиться признаниями о собственных проступках и не касаться чужих?

Это был удар ниже пояса. Уилл был благородным человеком. Когда его девушка забеременела, я посоветовал ему серьезно подумать об аборте. Вместо этого, он женился на ней и как ни странно, для него все обернулось хорошо. Ребенок должен был родиться через месяц.

Я не собирался звонить в больницу, как и не собирался отвечать на звонки. И вообще, у этого могла быть и положительная сторона. Я мог подождать пока нам не отключат телефон за неуплату и не возобновлять подключение. Способ сэкономить денег.

Бэн, при своем высоком росте и напускной крутизне, все еще был семифутовым ребенком. Я не собирался звонить в больницу, как и не собирался снова получать травму. Это стоило бы мне слишком дорого. Я просто не мог себе позволить заболеть. Странно, но эта мысль меня успокоила. Отговорок на будущее не оставалось, я сжег все мосты для отступления посредством болезни.

Несмотря на свои жалобы и вялые предупреждения о возможном невозвращении, Крэйг не только выживал, но и потерял вес. С потерей веса, тренироваться становилось легче. Он тоже стал крепким; способным принимать удары без серьезных повреждений. Как и многие люди, которые занимаются спортом, отличающимся повышенной контактностью, он выглядел значительно старше своих двадцати двух лет. Он рассказал мне о своей спартанской жизни, когда мы оттирали нескончаемую плесень с душевых стен. Он жил в комнате в съемном доме: "Но я бы переехал жить один в любой момент, если бы мог это себе позволить." Он работал каждый вечер и в выходные официантом в мексиканском ресторане. У него не было девушки ("нет времени"), не было и друзей, насколько я подозревал. Он был вспыльчивым парнем, с трудом открывался людям, но халтурщиком он точно не был. Во всем додзё он был наиболее усердным в оттирании плесени в душевых.

Я спросил у Фрэнка как мне вести себя на первом настоящем свидании с Сарой. "Решай за двоих и за все плати сам", - посоветовал он. Я встретился с Сарой возле супермаркета, когда она закончила работать. "Пойдем в бар у Джея", сказала она, взяв меня за руку. В Баре у Джея у стены стояло два огромных усилителя и было полно музыкальных записей. На возвышении был установлен проигрыватель. Там играли только R&B, но играли очень громко. Обложка проигрываемого альбома была выставлена за барной стойкой. Сара не хотела есть и только пила кофе. Я пил пиво. Ей как-то удалось заплатить самой, так что я и не заметил. Это было не по плану. "Пойдем прогуляемся", - сказала она.

Мы бродили по маленькому парку вдоль железнодорожных путей в Шибуйе. Сара захихнула свою и мою руку в карман моего пальто. Мы сели на лавочку. Я почему-то продолжал улыбаться. Эй, я снова радовался жизни! Это было просто. У Сары не было забот, так что их не было и у меня. Я посмотрел вверх на те несколько звезд, которые не затмевал фонарный свет. Большая медведица, полярная звезда и перевернутый пояс Ориона, наиболее заметное созвездие в японского ночного неба. Мне всегда становится хорошо, когда я смотрю на звезды. Сара посмотрела на свои часы и сказала "У меня есть десять минут". Через десять минут самозабвенного тискания, она убежала на электричку "Я

позвоню тебе скоро, завтра или послезавтра!" В этот раз я был уверен, что она действительно позвонит.